

Одно и то же? Концептуализации ‚молодого‘ между эстетическим обновлением и (социально-политической) реальностью

1. Введение: К вопросу о сопоставимости «младо-движений» в литературе конца девятнадцатого – начала двадцатого века

Изначальным импульсом для сравнения «младо-движений» в славянских литературах конца девятнадцатого – начала двадцатого столетия был доклад коллеги Михася Тычины, прочитанный им на съезде славистов, прошедшем в 2013 году в Минске. Доклад, центральный тезис которого постулировал принципиальную сопоставимость «Молодой Беларуси» и «Młoda Polska», оставил чувство дискомфорта. Хотя сравнение «Молодой Беларуси», «Молодой Музы» и «Młoda Polska» не направлено на полное отождествление этих трёх движений, всё же, через схожесть названий постулируется принадлежность данных литератур к модернизму:

„Маладая Беларусь“, як і „Młoda Polska“, „Молода Украіна“, у літаратуры і культуры канца XIX і пачатку XX ст. выяўляла характэрныя для агульна-еўрапейскага мадэрнізму тэндэнцыі. (Тычына 2013:280)¹

В конечном счёте, для Тычины речь идёт о закреплении термина «Маладая Беларусь» в качестве литературно-исторического концепта в период между 1905 и 1926 годами.² Аргументом ему служит концептуальная нечёткость параллельных феноменов и терминологии в других европейских литературных системах.

Таким образом, исследование Тычины иллюстрирует настоятельную потребность в систематическом и дифференцированном сравнительном изучении феноменов и дискурсов «младодвижений» в литературе конца XIX – начала XX столетия.

Такой дифференцированный подход (взгляд) должен различать: 1. литературно-исторический концепт, 2. социо-литературную констелляцию и её дискурсы, а также, 3., набор эстетических приёмов и поэтологических норм, которые действуют в каждом особенном случае.

Полноценных исследований такого плана до сих пор практически нет, поскольку даже энциклопедические публикации, такие как *Twentieth Century Literary Movements Dictionary* (Henderson/Pederson 2000) или *Dictionnaire des mouvements artistiques et littéraires 1870-2010* (Virmaux/Virmaux 2012) не способствуют систематическому уточнению концептов и феноменов в синхронии и диахронии. Симптоматично в этом отношении отсутствие терминологической и концептуальной демаркации „movements“, которые включают в себя как эпохообразующие движения, так и группы и группировки, течения, эстетические приёмы, а также теоретические и критические подходы. Henderson/Pederson вообще воздерживаются от контуризации их объекта и

¹ Hieraus leitet sich denn auch die Forderung ab, im Zentrum des wissenschaftlichen Interesses habe „die Artikulierung des frühmodernistischen Diskurses in der jungbelarussischen Dichtung“ zu stehen (ibid.:282).

² Auffällenderweise übergeht Тычына Lev Klejnborst's 1927 unternommenen Versuch, den Terminus „Maladaja Belarus“ als literarhistorisches Konzept zu etablieren (Klejnborst 1927).

оставляют попытки дефинирования составителю предисловия: Wellek определяет „movement“ в литературно-исторической перспективе, как „self-conscious and self-critical activities“, а предоставляет им лишь статус „suggestions and hints“ для концептуализации литературно-исторических процессов (Wellek 2000:XV). А Virmaux/Virmaux подмечают лаконично:

Mais qu'appelle-t-on mouvement? On ne se risquera pas au jeu dangereux des définitions. La proximité est trop grande d'un mouvement à un procédé (tachisme), à un genre (le baroque, l'absurde), ou à une doctrine (existentialisme). (Virmaux/Virmaux 2012:8-9)

Однако сравнительная систематизация и ‚типологизация‘ литературных младодвижений и соответствующих феноменов неминуемо столкнется с проблемой терминологической концептуализации и с необходимостью ее решения, чтобы отдельные явления могли быть осмысленно связаны друг с другом – независимо от литературно-исторической ценности, приписываемой этим феноменам в соответствующих литературных историографиях.³

2. Проблемы сопоставимости

Впрочем, помимо желаемой адекватной теоретической контуризации, проблемы, возникающие при сравнительном систематическом подходе, многообразны и сложны.

2.1.

К ним относятся, в первую очередь, *разрозненное состояние исследований в разных литературоведческих системах, различные теоретические перспективы, а также литературно-исторические оценки.* В общем, можно констатировать, что «младодвижения» за пределами соответствующей национальной филологии мало изучены. Внутри национально-филологических дискурсов каждое соответствующее движение концептуализируется по-разному и с использованием различных теоретических подходов и перспектив; Единогласие наблюдается лишь только в том, что ему приписывается более или менее значительная доля участия в (европейском) модернизме или модернистском дискурсе.

К примеру, описание «Młoda Polska» варьируется между «промежутком времени» (okres) и «вариантом» (odmiana) польского модернизма (с центром Краков), как его главный мотив, кризисное понимание молодого поколения, которое отделяет себя от поколения позитивистов (см. Jazownik 2016: 31). Однако, о модернизме вне „Młoda Polska“ в польском литературоведении почти не идет речь. «Млода Польша» явно или неявно отождествляется с польским модернизмом как таковым, тем самым функционируя в качестве эпохи (между позитивизмом с 1860-х по 1890-е годы и авангардом межвоенного периода).⁴

³ Als Beispiel: Das *Dictionnaire* beschreibt das Junge Deutschland (19. Jh.) und das Jüngste Deutschland (um 1900) als „Bewegung“, das Junge Belgien und das Junge Finnland als „Zeitschrift“, das Junge Frankreich (um 1830) als „Gruppe“, jenes von 1878 als „Zeitschrift“, und das Junge Polen als „literarische Bewegung“ (Virmaux/Virmaux 2012:259-262). Das Dictionary beschreibt das Junge Estland (Noor-eesti) als „Gruppe“, das Junge Kaschubien als „Bewegung“ (ruch młodokaszubski), die Junge Muse als „Gruppe“ (Moloda Muza), das Junge Polen als „Bewegung“ (Młoda Polska), das Junge Wien als „Gruppe“ (Jungwien). Besonders auffallend ist die Beschreibung der türkischen Jungen Stifte (Genç Kalemler), die die „Bewegung“ als „eine von mehreren Gruppen“ greift: „The Young Pens movement was one of various literary groups that sprang up after the 1908 Young Turk revolution paved the way for more artistic freedom in Turkey“ (Henderson/Paderson 2000:813-817).

⁴ Dabei dürfte die eigentliche literarhistorische Karriere des Terminus „Młoda Polska“ wesentlich durch Brzozowski's *Legenda Młodej Polski* (1909) befördert worden sein (zweite Auflage bereits 1910!).

Украинская „Moloda Ukraјina“, однако, как патриотическая студенческая организация (с одноименным журналом и штабом во Львове) не привлекает широкого внимания в национально-филологических кругах и не получила никакой литературно-историографической валентности. Украинским аналогом „Młoda Polska“ скорее является „Moloda Muza“, группа объединённая вокруг журнала *Svit*, которой Тамара Гундорова приписывает создание сложного раннего (или до-) модернистского дискурса в украинской литературе (Hundorova 1997:142-159; vgl. Simonek 1994:66).⁵ Лучук подчеркивает «аморфный» и «случайный» характер группировки, которая характеризовалась скорее богемным стилем жизни, противостоянием доминированию львовского *Literaturno-navukovyj visnyka* и ориентацией на европейские современные течения, чем общей разработанной поэтологической программой (Lučuk 1989:9, 11).⁶ Как и в украинском случае, хорватская «Mlada Hrvatska» не является собственно литературным явлением, поскольку речь идёт и о студенческой организации с одноименным журналом. Здесь также следует искать литературно-молодёжную инициативу, к примеру, в (недолговечном) венском журнале «Mladost» (1897-1898) и в появившемся в 1914 году в Загребе сборнике *Hrvatska mlada lirika* (Wiesner 1914). В отличие от «Młoda Polska» и «Moloda Muza» манифестации хорватского литературного движения молодежи и модернизма явно рассматриваются в контексте политического движения «Mlada Hrvatska» (ср. Miljana 2007), как и вообще традиционно «начало хорватского модернизма» конституционно связывается с «политическим событием», а именно, со сжиганием венгерского флага молодыми интеллектуалами в 1895 году.⁷ В то время как выдающееся место *Hrvatska mlada lirika* в истории хорватской литературы в конечном итоге представляет собой парадокс (ср. Meić 2010; Miljana 2007:71),⁸ венский журнал «Mladost» считается «наиболее требовательной и представительной художественно-литературной манифестацией движения модернизма» (Marijanović XX:247).

Белорусская «Маладая Беларусь» не может быть идентифицирована как формация с таким названием, за исключением трёх сборников, появившихся в 1912 и 1913 годах.⁹ В 1928 году предпринятая литературным критиком Львом Клэйнбортом попытка – литературно-исторически концептуализировать период между 1905 и 1928 годами под эмблемой «Маладая Беларусь» – потерпела неудачу; намерение Тычыны (2013) установить термин как «равноправный» наряду с другими употребляемыми измами следует понимать как попытку решить по-прежнему спорный вопрос «белорусского модернизма».

⁵ Vgl. insbesondere: „Поэзія «молодомузівців» відбиває складання нової парадигми образності в українській літературі – модерністської, і зокрема закріплює кілька стадій (типів) ранньомодерністського дискурсу: а) негативістський, б) психоаналітичний, в) символічний, г) іронічний. Такі стадії (типи) співіснують, перехрещуються, накладаються, створюючи модель поліструктурної дискурсивної практики ранньомодерністського типу“ (Hundorova 1997:150-151). Auffallend ist schon die unterschiedliche Fokussierung von „Młoda Polska“ (als ‚Epoche‘) und „Molodomuzivci“ (als ‚Akteure‘).

⁶ Anders als die „Młoda Polska“ wird die literarhistorische Position der „Moloda Muza“ in der ukrainischen Literaturwissenschaft erst seit den 1990er Jahren diskutiert (vgl. Simonek 1994:xx).

⁷ „Početak moderne uobičajili smo gledati dekorativno: [...] 16. listopada grupa sveučilištara, na čelu sa sveučilišnim barjaktarom, najnaočitijim studentom generacije, Vladimirom Vidrićem, već tada potajnim pjesnikom, odlazi na Jelačićev trg i spaljuje mađarsku zastavu. Od toga časa – reklo se – počinje hrvatska moderna“ (Frangješ 1987:229).

⁸ Einerseits gibt es keine Gruppierung dieses Namens, die Zusammenstellung des Sammelbandes scheint subjektiv und nur bedingt repräsentativ (Wiesner 1914), schließlich stellt der Zeitpunkt des Erscheinens eher eine Verbindung zur Avantgarde denn zur Moderne her.

⁹ Am ehesten ließe sich „Maladaja Belarus“ als nationalkulturelle Wiedergeburtbewegung beschreiben (vgl. adradženski ruch, nacyjanal’ny ruch u.a.).

Приведённые примеры, которые следует дополнить другими („Mlada Bosna“ (Палавестра 2010), „Młodokaszubski ruch“ (Стоун 1972), „Mlada Bulgarija“ (Misal'; Žečev 1987) и др.), иллюстрируют комплексность явлений и дискурсов в равной степени. В своей совокупности они – *это первая гипотеза* – понимаются во многих отношениях как *континуум*. На уровне литературно- исторической концептуализации этот континуум простирается между понятием эпохи, более или менее четко очерченной «фазой» (перехода), и не концептуализированным периферийным явлением. На уровне социолитературной констелляции он включает в себя манифестации определённо аполитичной позиции (ср. Лучук 1989:59), так же как прононсированная «антибуржуазная» общественная критика или чёткие политически-эмансипационные и национально-культурные устремления, и варьируется от институционально конституированных «групп» через журналы до аморфных совместных формаций. На эстетическом и поэтологическом уровне /// символизм, чистое искусство, субъективность, декадентство.

2.2.

Следующая проблема, которая выходит на первый план со сравнительным рассмотрением молодёжных движений в славянских литературах 1900 года, - это *геопоэтическое пространство*, «образцы» и *трансферные процессы*, выполняемые между отдельными литературами. Среди славянских движений «Młoda Polska», похоже, играет особую роль в этом отношении, поскольку она явно служит образцом для украинской «Moloda Muza» (ср. Simonek 1994:13, 14, 75). Тычына постулирует функцию образца «Młoda Polska» также для «Малодой Беларусі» (- как через украинскую литературу, так и напрямую через польскую).¹⁰ Для самой «Młoda Polska», оценивается, как правило,- особенно в связи с Пшибышевским, роль Германии (Фридрихсхагенский круг, а следовательно, и скандинавские влияния), к тому же, часто подчёркивается удобное геокультурное положение Кракова на периферии Габсбургской империи. Таким образом, был назван аспект, который мог бы иметь кардинальное эвристическое значение для сравнительного исследования- а именно, роль Вены (и группы «Молодая Вена») как центра пространства, которое Зоран Константинович определил как «Европейское промежуточное поле»,

[...], das von vielen kleineren Völkern bewohnt wird und in dem die deutsche Literatur sehr stark vertreten ist, das zugleich aber auch ein literarisches Spannungsfeld darstellt, da sehr stark die französische und teilweise sowohl die englische als auch die russische Literatur zur Wirkung gelangten. (Konstantinović 1979:69)

Обращаясь к концепции Константиновича (1979) о промежуточном поле и теории полисистемы Эвен-Зохара (1979), Стефан Симонек описывает город Львов как «восточный, западно-ориентированный наружный пост средневропейского литературного промежуточного поля», в котором разные литературы завязывают отношения друг с другом (Симонек, 1994: 48). То, что касается Львова, может не относиться к Кракову и Загребу. Однако модель промежуточного поля с суперцентром

¹⁰ „Мы не маем звестак аб знаёмстве Купалы з гэтымі тэкстамі [Бжазоўскага], аднак ён, несумненна, ведаў пра саму легенду пад назвай ‚Młoda Polska‘ і прымерваў яе параметры да блізкай яго сэрцу з’явы пад аналагічнай назвай ‚Маладая Беларусь‘. [...] Купалу дарагая была думка моладапалякаў аб аўтаномнасці духоўнай і культурнай рэчаіснасці, яе незалежнасці ад матэрыяльна-эканамічных вымог [...]“ (Тычына 2013:288, 289). „Dekadente Stimmungen“ habe die „Maladaja Belarus“ aber nicht übernommen (ibid.:290). Zu überlegen wäre, welche Rolle die „proletarische Strömung“ der „Młoda Polska“ (Kozłowski 1986) für die belarussische Zeitung „Naša niva“ spielt.

Веной дает возможность для транснационального сравнительного рассмотрения славянских младодвижений: то, что Краков, Львов и Загреб однозначно соединяет и одновременно отличает от Вильни, это их общая принадлежность к геопоэтическому пространству и литературной системе габсбургского промежуточного поля. «Młoda Polska», «Moloda Ukrajiną» или «Moloda Muza» и «Mlada Hrvatska» (ср. Marijanović XX:253) можно трактовать как явления, свидетельствующие о непосредственном влиянии Венского модерна в отдельных национальных литературах.¹¹ «Малая Беларусь», напротив, имеет свои оперативные центры в Петербурге и в Вильне. Помимо того, что белорусская литература принципиально отличается от трёх других литератур своей «безысторичностью», её центры находятся в другой литературной системе (приходящей в упадок Российской Империи) и к геопоэтическому пространству Габсбургской монархии имеют лишь косвенное отношение.¹²

Сама молодёжно-венская группа получает (сообщает Герман Бар) решающие импульсы из Парижа (Springer 2005: 321)- импульсы, которые также могут быть приняты в расчёт для «Młoda Polska» (Высяньский) и для хорватского модерна (Матош), хотя, несомненно, по-разному. Такой непосредственный опыт «столицы XIX века» или франкоязычного события литературы (в том числе авторов «Молодой Бельгии») в белорусской литературе отсутствует полностью.¹³

Вторая гипотеза, вытекающая из описанных процессов зависимости и трансфера, заключается в том, что славянские молодежные движения могут быть типологизированы в соответствии с их центрами, их геопоэтическим положением и когда-либо открытыми (или скрытыми) возможностями связи с транснациональными литературными и культурными дискурсами.

2.3.

Третья проблема - это *специфическая семантика юношеского атрибута в существующем литературном дискурсе*. «Młoda Polska», а также «Mlada Hrvatska» концептуализируют «молодежь» эксплицитно в связи с литературным, но и с общественным конфликтом поколений. В нём «младшее» поколение настойчиво выступает как против принципов позитивизма, материализма и реализма, так и против представленной «старшим» поколением буржуазной системы ценностей (в Польше) или политической позиции в национальном вопросе, за которую выступают «старые» (Хорватия ; ср. Миланя 2007:62). В обеих литературах этот конфликт поколений также эксплицитно дискурсивно зарождается и фиксируется в противостоянии «старых» и «молодых» (stari vs. mladi; stary vs. młody).¹⁴ Однако при более точном рассмотрении, оказывается, что оно также смягчается - во всяком случае в «Młoda Polska»: Артур Гурский констатирует в 1898 году: „[...] nie jest ten młodym, kto ma lat dwadzieścia czy trzydzieści. Znamy my takich, co już w najmłodszych latach byli bardzo stateczni i rozsądni“

¹¹ Zur Wirkung der Wiener Moderne vgl. insbesondere die Arbeiten Simonek, [III](#).

¹² Ähnlich wie Lemberg (Simonek 1994) wird auch Wilna als polyphones Zentrum konzeptualisiert (Kvietkauskas 2012:28-39): „[...] Wilno jako centralna rzeczywistość literatury początku XX wieku – to szczególnie jedność heterogenicznych literatur i kultur [...]. Mówiąc inaczej, oczywiste jest, że specyfika literacka Wilna początku XX wieku to literacki wielogłos“ (ibid.:30). Zum Einfluss insbesondere des polnischen Modernismus vgl. Romanowski 1999.

¹³ Joseph Hanse hat bereits in den 1950er Jahren mit dem Vorurteil aufgeräumt, bei der „Jeune Belgique“ habe es sich um eine ‚Oppositionsbewegung‘ gehandelt, die mit der französischen Tradition habe brechen wollen. Vielmehr habe die Zeitschrift „Jeune France“ für ihr belgisches Pendant „Modellcharakter“ gehabt, sowohl in ihrem zentralen Anliegen der ‚Jugendopposition‘ als auch selbst auf der Ebene der Präsentation (Hanse 1957).

¹⁴ Dabei sind die Vertreter der *Hrvatska mlada lirika* (1914) übereinstimmend Dichter, die zwischen Ende der 1870er und Anfang der 1890er Jahre geboren sind; dagegen sind die Autoren der „Młoda Polska“ in den 1860er und 1870er Jahren geboren.

(Гурский 1973:121). Таким «молодым старикам» („młodym starcom“; *ibid.*), которые характеризуются в основном приспособленчеством, Гурский противопоставляет искренность как центральный принцип художественно продуктивной молодежи и, таким образом, качественно обостряет поколенческую концепцию «молодёжи»:

Żądamy szczerości od młodych talentów i, stawiając je jako punkt rzekomego programu, żądamy tym samym (w naszych stosunkach) odwagi osobistej, ryzyka, prawie poświęcenia. A choćby przyszło zaglądnąć w oczy małym troskom życia to i cóż? Ojcowie nasi inną mieli odwagę i inną farmę poświęceń, niechże nam ta pozostanie – zawsze to przecież ta sama służba dla tej samej Pani... (Górski 1973:122)

Тем не менее, определяющим в аргументации Горского всё равно остаётся противостояние «старого» и «молодого». Эту оппозицию обсуждает также Станислав Brzozowski в своей статье «My młodzi», появившейся в 1902 году, и требует признания продуктивного культурного вклада молодого поколения.¹⁵ Brzozowski, который чуть позже критически обратится против «Młoda Polska», одновременно объясняет, что названного в титуле коллективного «мы» существует: точнее, он диагностирует «угнетающее чувство одиночества» („przygniatając[e] poczuci[e] osamotnienia“):

Dzisiaj sam zabieram głos nie w imieniu jakichś jednomyślnych, lecz w nadziei, że ich znajdę. Nadzieja ta tylko upoważnia mnie do powstania w nagłówku „my“, zamiast odstręczającego zuchwalstwem, lecz szerszego „ja“. Artykuł ten – to nawoływanie, pragnące zbudzić echo. (Brzozowski 1973:129)

Категория конфликта поколений смягчается и в хорватском дискурсе: Anton Gustav Matoš¹⁶ и Vladimir Vidrić в предисловии к *Hrvatska mlada lirika* упоминаются как явные герои, задающие направление. Фактически, судя по их биографиям, они принадлежат к тому же поколению, что и поэты, представленные в сборнике, и характеризуются по тому же самому конфликту поколений (со старыми), как те¹⁷ - но как «литературно зрелые», уже признанные и задающие направление поэты-модернисты, сами они в сборнике не представлены. Под «молодым» здесь (так же как и в Венском журнале *Mladost*) понимается, в первую очередь, ещё не достигший успеха – и «новое» в литературе (vgl. auch *Mladost* 1898). Следовательно Wiesner характеризует сборник как «обзор самой юной хорватской лирики» („pregled je najmladje lirike hrvatske“; Wiesner 1914, Hervorh. G.K.) и подчеркивает незавершённость, ненормативность и многообразие новой (самой юной) лирики, выделяя её явно как движение („pokret“):

[...] [P]okret[], koji ne ima značenja jedne škole pjesničke, a isto bi teško bilo odredjivati mu i smjer, dok se za nj jedino to može kazati sa sigurnošću, da je još u razvoju. [...] No ako i nije, kao slični pokreti tuđine, pokret ovaj planuo požarom u času, ako ga se i ne da uokviriti definicijom jednom odredjenom (što mu je možda i prednost), pokret je ovo ipak novošću i raznolikošću ličnosti, koje ga čine.

¹⁵ „Nieprawdą jest, abyśmy młodzi byli tylko pleśnią społeczną, nieprawdą, abyśmy nic nowego i twórczego do skarbnicy kulturalnej wnieść nie mogli. [...] Powrócić młodemu pokoleniu wiarę w tę jego dodatniość jest potrzebą najbardziej palącą. [...] My młodzi nie jesteśmy czczym i jałowym *Nie*, przeciwnie, tkwi w nas zapowiedź jakiegoś wielkiego może i twórczego *Tak*“ (Brzozowski 1973:137-129; Hervorh. i.O.).

¹⁶ Die Rolle Matošs in Bezug auf die kroatische literarische Jugendbewegung ließe sich hypothetisch mit jener Frankos für die Molodomuzycy in der Ukraine (vgl. Simonek 1994) vergleichen.

¹⁷ „Bez manifesta ustadoše proti ukoćenim trivijalnostima i pedantnoj retorici starih stihotvoraca stavivši sebi ciljem *osloboditi poeziju svih spona*, koje bi je moge omedjiti“ (Wiesner 1914; Hervorh. i.O.).

Тот факт, что конфликт поколений в хорватском дискурсе на рубеже веков является вирулентным, можно увидеть не в последнюю очередь в ясном присутствии концепции «сецессии» (vgl. Stamać 1984:102).¹⁸

Напротив, контекст „Moloda Muza“ характеризуется отсутствием конфликта поколений. Литературный критик Mikola Evšan исследует это явление в статье под названием „Боротьба генерацій і українська література“ в 1911 году и констатирует факт его полного отсутствия в украинской литературе.¹⁹ Он констатирует:

Боротьби генерацій, того дужого, стихійного руху, який хвилею приходить щояких 30 літ, у нас не було. Незамітно з 'являлися нові покоління, незамітно проходили, — так що навіть про зміну поколінь в повнім того слова значінні не можна говорити. [...] Отже, боротьби Генерацій — ще раз кажу — у нас не було. Як боротьба була, то боролася одиниця з оточуючим хаосом і темрявою, поки та темрява не здолала її поглотити, похрупати з кістками. А раз так справа стоїть, то й немає в тій боротьбі моменту, який я визначив би в боротьбі поколінь: одвертості, щирості у ворогуванні. [...] Дперва на склоні минулого століття і з початком теперішнього почалася більше свідомо диференціація української думки, почали виділюватися певні групи. Почалася більше одверта, більше свідомо боротьба. Але властиво це знов не боротьба поколінь. Це знов тільки загукування молодих паростків це знов безсильність нової думки. (Evšan 1998:47-48)

Вполне возможно, что использование «молодёжного» атрибута группировками „Moloda Muza“ и „Moloda Ukrajina“ можно рассматривать как манифестацию той «открытой и сознательной» борьбы», которую Evšan выделил на рубеже веков. Во всяком случае, украинский пример чётко даёт понять, что притязания на эстетическое обновление необязательно связано с явным противостоянием между так называемыми «младшими» и «старшими».²⁰

Размышления Evšan (Эвшана) а, в частности, его анализ причин отсутствия конфликта поколений в украинской литературе эвристически могут быть перенесены и на белорусскую ситуацию. Здесь не только полностью отсутствует конфликт поколений; но те, кого можно причислить к «Молодой Беларуси» даже апеллируют к предыдущему поколению. Согласно Эвшана это препятствие динамичному развитию литературы.²¹

В белорусской литературе конфликт поколений в смысле конфронтации между «молодыми» и «старшими» появляется лишь только в 1920-х годах. Таким образом, как указывает Тычина, «юношеский» атрибут в белорусской литературы в начале двадцатого века имеет функцию моделирования «молодой нации» и, следовательно, национальной элиты («belaruskaja intelihencuja») (vgl. Luckevič 2006:13 (1911)).²² Тезис, неоднократно выдвигаемый в белорусском литературоведении, о том, что Янка Купала

¹⁸ „Bewegung der Jüngerer und Jüngsten“. Stamać problematisiert die Übertragung des Begriffs in den literarischen Bereich.

¹⁹ Evšan geht dabei von einem Verständnis aus, das die Auseinandersetzung zwischen Generationen als Motor kultureller und literarischer Dynamik begreift. Ausschlaggebend ist das Bestreben jeder jungen Generation, „von Anfang an alles selber zu erleben“ (Evšan 1998:47).

²⁰ Faktisch geht es um die Aufspaltung von ‚Jung vs. Alt‘ in: jung vs. alt (generational) und neu vs. ‚gebraucht‘ (ästhetisch).

²¹ „Це хвиля народин нашої малоросійської драми, гопака і горілки. Так ми жили десятки років, і нічого не змінялося, тільки патріотичний уряд батька переходив на сина, — а цей мусів дбати, щоб не сплямити його ніякою новизною, нічим неширо народним. Обов'язком широкого українця було носити народний стрій, шаровари і шапку козацьку, плакати разом з Шевченком над долею вдови-сиротини, написати самому декілька таких самих “стишків”, — а в іншому всі дослужувались великих становищ і діставали медалі та хрести заслуги. [...] Тому я й кажу, що властиво зміни поколінь не було. Кодекс переходив тільки в інші руки, а впрочім, було все так само“ (Evšan 1998:47)

²² Im ersten Band der *Maladaja Belarus'* wird die Bezeichnung ‚Maladaja Belarus‘ auf jene Leute bezogen, „denen die zeitgenössischen belarussischen Ausgaben überhaupt nicht genügen“ („которых сучасные выдання беларускіе не здаволяваюць зусім“). Die Gründung des Almanachs wird mit dem Ziel gerechtfertigt, ein Organ zu schaffen, in dem „die gesamte Junge Belarus' ihre Gedanken austauschen kann“ („дзе бы магла падзяліцца думкамі ўся Маладая Беларусь“) (MB I/1912:IV). Der zweite Band wird durch einen Aufruf des Sprachwissenschaftlers A. Pogodin „An die Belarussische Jugend“ („Belaruskaj Moladzi“) eröffnet, der die junge demokratisch und national gesinnte Intelligenz als Adressatenkreis avisiert (MB II/1912:3-6).

вводит в дискурс понятие „Maladaja Belarus“ на эстетическом уровне, как модернистскую концепцию, на фоне того, что этот концепт не разработан в контексте литературного конфликта поколений, является сомнительным. Фактически, Купала здесь явно заимствует национально-патриотический романтический любовный дискурс 19-го века, как это можно найти, например, в литературе хорватского *Preporod* (например, «Stanko Vraz»). Опираясь на мотив сокола, он стилизует «молодую нацию» как возлюбленную или как невесту:

Падымайся з нізін, сакаліна сям'я,
Над крыжамі бацькоў, над нягодамі;
Занімай, Беларусь маладая мая,
Свой пачэсны пасад між народамі!.. (Купала 20XX)

То, что Купала этим моделированием инициирует смену парадигмы в белорусском литературном дискурсе (Autodiskurs), очевидно. Но модернистский характер этого автодискурса с точки зрения не поколенческого, а прежде всего национального ракурса «юношеского» атрибута всё же остается сомнительным.²³

Следовательно, *третья гипотеза*, вытекающая из этих сравнительных примеров, заключается в том, что *атрибут «молодости» концептуализируется* в разных литературах *по-разному* и *не может быть в равной степени связан с модернистским конфликтом поколений*.²⁴

3. Подходы: Movement-Discourse, литературный меридиан, Zwischenfeld

Описанные здесь проблемные области уже дают понять, что попытка исследовать различные литературные молодежные движения сравнительными методами должна сочетать различные подходы, чтобы соответствовать всей сложности явлений и их дискурсов. Главный вопрос, на который должно ответить это сравнение: какое отношение имеет каждое движение в отдельности друг к другу, т.е. является ли то, что, как кажется, дискурсивно может быть выражено аналогично или схоже, тем же самым при более чётком рассмотрении? В этом отношении понятие «движение» („movement“, „mouvement“, „dviženie“, „ruch“, „pokret“), лежащее в основе вопроса, следует понимать как эвристический инструмент и дискурсно-аналитический подход к дискурсивному созданию движений в синхронии и диахронии, представленный Антоном Кирххофером несомненно является многообещающим (Kirchhofer 2015).²⁵

Таким образом, вся совокупность подобных явлений может *быть гипотетически концептуализирована как одно транснациональное и трансдисциплинарное молодежное движение* (в которое также входят такие явления, как модерн (Jugendstil) или антибуржуазное молодежное движение Веймарской республики и т.д.), которое актуализируется в разных литературных пространствах и подпространствах в различных *конфигурациях*. Эти конфигурации каждая по-своему и в специфических пропорциях проявляют типичные параметры (политика и эстетика, конфликт

²³ Dies korreliert mit den im „Severo-zapadnyj kraj“ des Russischen Reiches gegenüber den anderen diskutierten Literaturen grundsätzlich anderen politischen und gesellschaftlichen Voraussetzungen.

²⁴ Vgl. „Jeune France“ vs. „Jeune Belgique“, wo sich „Jeune Belgique“ weniger gegen „Jeune France“ abgrenzt denn gegen eine „ältere“ belgische Literatur.

²⁵ Dazu gehört auch die Frage, was eigentlich der tut und meint (und warum), der ein Phänomen als ‚Bewegung‘ bezeichnet: Umwälzung, Kollektivität, Unabgeschlossenheit.

поколений, модернизм и т.д.) а также по-своему институционально манифестированы. Как профилированы эти конфигурации, т.е. какие параметры имеют вес и как они реализуются, зависит от того, какие дискурсы (не только литературные) накладываются в данном пространстве.

Из перспективы этой гипотезы в поле зрения оказываются транснациональные концепты, как то же «промежуточное поле» (Константинович 1979), о котором уже шла речь, и особенно – модель «Greenwich Meridian of Literature» («литературный меридиан Гринвича») Паскаль Казановы. Эта модель единой меры литературной или эстетической современности позволяет концептуализировать «мировое литературное пространство», внутри которого могут быть связаны феномены отдельных литератур.

Literary space creates a present on the basis of which all positions can be measured, a point in relation to which all other points can be located. Just as the fictive line known as the prime meridian, arbitrarily chosen for the determination of longitude, contributes to the real organization of the world and makes possible the measure of distances and the location of positions on the surface of the earth, so what might be called the Greenwich meridian of literature makes it possible to estimate the relative aesthetic distance from the center of the world of letters of all those who belong to it. This aesthetic distance is also measured in temporal terms, since the prime meridian determines the present of literary creation, which is to say modernity. (Casanova 2004:88)

Центром мирового литературного пространства и литературного ‚измерения времени‘, для Казановы конечно является Париж. Эвристически этот концепт интересен не только потому, что он предоставляет методическую основу для сравнения неодновременного и для анализа того, что обычно называется ‚трансфером‘. Это значит, на этой основе можно пространственно и временно связывать отдельные конфигурации транснационального молодёжного движения (что поднимает вопрос и о том, выступает ли Париж здесь действительно как ‚центр‘). Этот концепт, помимо того, перспективно интересен тем, что эвристически можно было бы транснационально ‚измерять‘ также и нелитературные (прежде всего политические и общественные) движения и дискурсы. В свою очередь это сделало бы сравнимыми морфологию и профиль соответствующих конфигураций, где литературные и общественно-политические движения и дискурсы в каждом случае переплетаются специфическим образом.

Хорошим фоном для сравнительного анализа атрибутов молодёжи и её специфической литературной и литературно-исторической семантике кажутся рассуждения Пьера Бурдьё относительно генерационных конфликтов, литературных группировок и журналов, и, наконец, относительно антагонизма между ‚молодыми‘ и ‚старыми‘ в контексте борьбы за литературную легитимность (Bourdieu 2001).

Bourdieu, P. (2001) [1999] *Die Regeln der Kunst. Genese und Struktur des literarischen Feldes*. Frankfurt/Main.

Brzozowski, St. (1973) *My młodzi*. In: Podraza-Kwiatkowska, M. (ed.), *Programy i dyskusje literackie okresu Młodej Polski*, Kraków, xx.

- Casanova, P. (2004) *The world republic of letters*. Cambridge/MA.
- Evšan, M. 1998, Боротьба генерацій і українська література. In: Ds., *Критика, Літературознавство, Естетика*. Київ: Основи, 45-53.
- Frangeš, I. (1987) *Povijest hrvatske književnosti*. Zagreb: Matica Hrvatska.
- Górski, A. (1973) *Młoda Polska*, In: Podraza-Kwiatkowska, M. (ed.), *Programy i dyskusje literackie okresu Młodej Polski*, Kraków, xx.
- Гундорова, Т. (1992) Суспільно-літературний рух «Молодої України» і проблема модерної української нації. In: *Сучасність. Література, наука, мистецтво*. 1992/3, 108-113.
- Гундорова, Т. (1997) *Проявлення слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація*. Львів 1997
- Hanse, J. (1957) «La Jeune France» et «La Jeune Belgique». In: *Bulletin de l'Académie Royale de Langue et de Littérature Françaises*. Bruxelles: Palais des Académies, 75-95.
- Henderson, H., J. Pederson (Hg.) (2000) *Twentieth-century literary movements dictionary: a compendium to more than 500 literary, critical, and theatrical movements, schools, and groups from more than 80 nations, covering the novelists, poets, short-story writers, dramatists, essayists, theorists, and works, genres, techniques, and terms associated with each movement*. Detroit, Mich.: Omnigraphics.
- Hutnikiewicz, A. (2001). *Młoda Polska*. Warszawa: PWN.
- Jazownik, M. (2016) Krakowskie „Życie” jako forum prezentacji prądów ideowych i koncepcji światopoglądowych Młodej Polski (wybrane zagadnienia). In: *Acta Universitatis Lodziensis. Folia litteraria polonica* 3(33), 29-50
- Kirchhofer, A. (2016). Literary movements as precarious alliances? Observations and propositions on movement discourse and cultural participation. In: Butler, M., A. Hausmann, A. Kirchhofer (eds.), *Precarious alliances : cultures of participation in print and other media*. Bielefeld: transcript, 281-309.
- Клейнборт, Л. (1928) *Молодая Белоруссия. Очерк современной белорусской литературы 1905-1928*. Минск.
- Konstantinović, Z. (1979) Das europäische Zwischenfeld. Von einer Schwerpunktbildung der österreichischen Komparatistik. In: *Sprachkunst X (Komparatistik in Österreich)*, 69-78.
- Kozłowski, J. (1986) *Proletariacka Młoda Polska: sztuki plastyczne i ich twórcy w życiu proletariatu polskiego 1878-1914*. Warszawa: Arkady.
- Купала, Я. 1997. *Поўны збор твораў у 9 т.. Т. 3: Вершы. Пераклады. 1911-1914*. Рэд. М.І. Мушыньскі. Мінск
- Kvietkauskas, M. (2012) *Polifonia literatury w Wilnie okresu wczesnego modernizmu 1904-1915*, Kraków [= Biblioteka Literatury Pogranicza t. 22].
- Луцкевіч, А. (2006) Маладая Беларусь. In: Ds., *Выбраныя творы. Праблемы культуры, літаратуры і мастацтва*. Мінск: Кнігазбор, 13-14.
- Лучук, В. (1989), *Молода Муза*. Київ: Молодь.
- Маладая Беларусь*. Санкт Петербург 1912, 1913.
- Marijanović, S. (2002), *Europska književnost i umjetnost u časopisu Mladost (Iz vidokруга »bečkog kruga«)*. In: *Dani hrvatskog kazališta: Građa i rasprave o hrvatskoj književnosti i kazalištu* 28/1, 247-257.
- Meić, P. (2011) *Hrvatska mlada lirika – poetička i politička razmeđa novije hrvatske književnosti*. In: Pavlović, C., V. Glunčić-Bužančić, A. Meyer-Fraatz (eds.), *Poetika i politika kulture nakon 1910. godine*. Zagreb/Split 2011, 146-173
- Milanja, C. (2007) *Hrvatski novosimbolizam: (uvodno poglavlje)*. In: *Književna republika*, 59-81.
- Palavestra, P. (2010) *Young Bosnia: Literary Action 1908-1914*. In: *Balkanica* XLI, 155-184.
- Simonek, S. (1994) *Ivan Franko und die „Moloda Muza“ . Motive in der westukrainischen Lyrik der Moderne*. Köln/Weimar/Wien: Böhlau.

- Springer, K. (2005) Eine „Romantik der Nerven“ – das literarische Fin de siècle. In: Brandstätter, C. (ed.) *Wien 1900. Kunst und Kultur. Fokus der europäischen Moderne*, Wien: Brandstätter, 321-334.
- Stamać, A. (1984), Die Frage der Sezession in der Moderne. In: *Neohelicon. Acta comparationis litterarum universarum* 11/1, 101-113.
- Тычына, М. (2013) „Маладая Беларусь“, „Мłoda Polska“, „Молода Україна“: ранні мадэрнісцкі дыскурсы. In: Лукашанец, А. et alii (Hg.), *Мовазнаўства, літаратуразнаўства, фалкларыстыка: XV Міжнародны з’езд славістаў*. Мінск: Беларуская навука, 277-292.
- Virmaux, A., O. Virmaux (2012) *Dictionnaire des mouvements artistiques et littéraires: 1870-2010; groupes, courants, pôles, foyers: littérature, peinture, théâtre, cinéma, musique, architecture, photo, bande dessinée*. Paris: Le Félin-Kiron.
- Wellek, R. (2000) Preface. Periods and Movements in Literary History. In: Henderson, H., J. Pederson (Hg.), *Twentieth-century literary movements dictionary*. Detroit, Mich.: Omnigraphics, XIII-XXIII.
- Hrvatska mlada lirika*. Zagreb 1914 (Wiesner 1914).
- Žečev, T. (1987) Towards the Origins of Modern Circles and Movements in Bulgarian Literature. In: Nilsson, N. (ed.), *The Slavic Literatures and Modernism*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 279-284.

(Gun-Britt Kohler)